

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

„ЧУЖАЯ ТЕНЬ“

Новая пьеса К. Симонова «Чужая тень») вводит нас в чудесный мир творческой деятельности коллектива советских ученых, воодушевленных благородной и гуманной целью избавить мир от страшного бича человечества — заразных болезней. События, изображаемые в пьесе, происходят в научно-исследовательском институте большого университетского города.

Институт возглавляется крупным научным деятелем медицины Трубниковым, который вместе со своими сотрудниками ведет успешные опыты по изготовлению препарата, с помощью которого можно будет бороться со всеми болезнетворными микробами.

Пьеса начинается с того момента, когда многолетняя работа трехсот сотрудников близится к успешному завершению. Секретарь партийной организации, талантливый молодой ученый Григорий Иванович Рыжов добровольно решил взять на себя риск последнего испытания изобретенного препарата: для этого он заражает себя чужой и прививает затем новооткрытую сыворотку.

Проводив Рыжова в изолятор, Трубников встречается с приехавшим к нему старым университетским товарищем Окуневым, который недавно был в Америке и познакомил американских ученых Мюррея, Гарли и Лансгарта с рукописью научной работы Трубникова. На этот раз Окунев приехал с целью выманить у Трубникова интересующий американцев секрет открытия, т. е. технологию производства сыворотки.

Ученые лакеи американского империализма сетью интриг и провокаций стремятся опутать Трубникова. Выполнив волю хозяев Уолл-стрит, они льстят ему в письмах, обещают мировую славу, признание за ним приоритета научного открытия. В разговоре с Трубниковым, играя на его мелком честолюбии и холуйской страсти ко всему иностранному, коварный льстец и проныра Окунев уверяет его в том,

что «когда его метод будет всемирно признан, это сразу же поднимет нашу микробиологию в глазах всего мира». Трубников откровенно признается, что ему хочется немножко больше славы, чем он имеет. Он явно польщен благосклонным вниманием американских ученых к его исследованиям. Чтобы рассеять сомнения своих американских друзей в правильности его метода и утвердить за собой приоритет и славу мирового открытия, он передает первую часть своей рукописи Окуневу. Правда, он делает это не без колебаний, но успокаивает себя тем, что, собственно, секрета производства сыворотки он им не открывает, а дает только ту часть рукописи, которая говорит о способах усиления заразности микробов и доказывает в принципе правильность его метода.

Но после того, как Окунев унес рукопись, какой-то червяк сомнения зашевелился в душе Трубникова, и он решил рассказать обо всем своей сестре и ближайшему сотруднику Ольге Александровне. Та была глубоко потрясена и возмущена поступком Трубникова. После бурного объяснения с ним она решила обо всем рассказать Саватееву, который был самым близким другом Трубникова, двадцать шесть лет прошедшим вместе с ним по тернистой дороге науки.

Саватеев воспринимает весть о случившемся как личную обиду, предательство друга по отношению к себе. Да и понятно: Трубников и его дело были идеалом, целью и смыслом жизни Саватеева. Он благоговел перед ним как перед ученым, снисходил к слабостям и недостаткам его себялюбивого эгоистического характера. И теперь первый раз в жизни Саватеев объясняется с Трубниковым, как равный с равным, отрицая его право распоряжаться судьбой открытия, которое не является его собственностью, а принадлежит всему коллективу ученых, а в конце концов, советскому народу, государству.

Не только Саватеев, но все люди, окружающие Трубникова — и сестра его Ольга Александровна, и дочь Лена, врач, недавно демобилизованный из армии, и Иванов, — жестоко осуждают его, с гневом и возмущением говорят о его поступке.

Единодушное осуждение родных и близких людей заставляет Трубникова принять меры к возвращению рукописи. Он пробует связаться по телефону с Окуневым, но безуспешно. Муж Ольги, начальник крупного строительства Макеев, не шадя высокомерной спеси и заносчивого характера Трубникова, открыто говорит ему о том, что он совершил преступление перед Родиной, «своими руками передав в чужую страну секрет государственной важности». Прекрасно зная изверскую природу ученых слуг американского империализма, Макеев в ответ на доводы Трубникова, что он передал только первую часть работы, в которой нет ровно никаких секретов, потому что в ней говорится только о технологии усиления заразности микробов, но нет технологии ослабления их для прививок, заявляет ему:

— Им вполне достаточно того, что вы им дадите. Вы уткнулись в вашу проблему и вообразили, что во всем мире все только и думают что о спасении человечества от болезней. А там, в их мире, о спасении людей думают в десятую, в сотую очередь, а в первую очередь думают об уничтожении нас. Об уничтожении нас. Им не нужны ваши прививки. А если и нужны, то не для спасения человечества, а для выколачивания из него денег, что они успешно делают со всеми своими пеницилинами и стрептомицинами и что сделали бы и с вашими прививками, попали они им в руки. Подарить ваше открытие этим торгашам — уже преступление перед государством. Как вы не понимаете? Но вы решились сделать вещь во сто раз худшую: ваш метод приготовления чудовищно заразных микробов, который для вас только теоретическая ступень, для них будет их военной практикой.

Трубников на это отвечает: — Надо быть поистине сумасшедшим, чтобы в голову могла притти возможность такого чудовищного применения науки!

В своей политической наивности и слепоте Трубников не понял, с кем он имеет дело. Макеев открывает ему глаза «на тот чуждый нам мир, где свободная воля — слишком большая роскошь для ученого, где ученые делятся на две категории: на слуг и пленников», где в каждом научном открытии ждут прежде всего возможностей для военного применения.

Макеев напоминает Трубникову, что коммунист обязан быть политиком, что в деятельности советских людей в наше время главный залог мира и счастья народов.

Трубников, по словам Макеева, стал жертвой низкопоклонства перед заграницей, которое заключается в убеждении, что враждебный нам мир доллара гораздо благороднее, чем он есть, и люди там исполнены самых великодушных и гуманных побуждений, только и делают, что пекутся о благе человечества.

Макеев не ограничивается только разоблачением Трубникова, он принимает срочные и энергичные меры к возвращению рукописи. Ему показала подозрительной поспешная готовность, с которой Окунев возвращает рукопись. Он догадывается, что тот уже успел снять копию, которую передаст, если не помешать ему, американской разведке. Макеев предполагает, что Окунев — американский шпион, и, желая, проверить свое предположение, сообщает о всем случившемся органам советской разведки.

Вскоре Окунев действительно был разоблачен как шпион. Накануне неизбежного ареста он кончает жизнь самоубийством.

Глубоко потрясенному и взволнованному Трубникову Макеев рассказывает о своем разговоре с министром здравоохранения. Вместо ожидаемого Трубниковым снятия с работы ему представлена возможность продолжать свои исследования и честной работой искупить свою вину.

Во всей линии действия, кратко изложенной нами, сказывается высокое художественное мастерство автора, умюющего сочетать напряженность драматических ситуаций и конфликтов с яркой и выразительной обрисовкой характеров. Особенно удались автору фигуры советских ученых.

Трубников при всех своих ошибках и заблуждениях воплощает в себе подлинную героическую страсть советского ученого, воодушевленного благородной целью борьбы за здоровье людей, за их счастье и благополучие. Мы верим, что он глубоко осознал свою вину и постарается в будущем самоотверженным трудом оправдать великодушное доверие правительства.

Андрей Макеев пленяет читателя прежде всего возвышающей страстью труда, созидания. И в далекой тайге, и под Москвой — везде и повсюду чудодейственной волей Макеевых преобразуется лино советской земли, возникают новые города, загораются огни домен, вырастают гиганты индустрии и новые культурные очаги. Макеев — воинствующий советский патриот, полный страстной ненависти к миру за океанских хищников с их продажной и бессовестной моралью доллара и злобным кликушеством военной пропаганды.

Пьеса передает читателю чарующую красоту нравственного мира советских людей, могучее оздоравливающее воздействие коллектива на тех, кто ошибается, противопоставляет себя коллективу, руководствуясь мотивами мелкого честолюбия и эгоизма.

С воинствующей большевистской страстностью и публицистичностью пьеса направлена против тех, кто сохраняет в своей психике и сознании пережитки капитализма, выражающиеся в холуйском пресмыкательстве перед иностранщиной, в барском высокомерии и презрении к критике и самокритике.

Пьеса Константина Симонова — большая победа советской драматургии. Пьеса учит советских людей бдительности, умению распознавать врагов и их вольных или невольных пособников в маске космополитических бродяг или патетических восхвалений всего иностранного, особенно американского. Благородные чувства советского патриотизма и национальной гордости воспитывает эта страстная и партийная пьеса в наших людях.

Н. ЛУАКОВ,
преподаватель литературы Калининской мужской средней школы № 6.